

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI:10.17805/zpu.2020.3.7

Жизнь в условиях коронавируса

В. Г. ФЕДОТОВА

Институт философии РАН

В статье рассмотрены изменения обществ, наступившие в результате эпидемии коронавируса в 2020 г. В качестве концептуальных средств изучения этой ситуации использованы понятия новой нормальности, мобильности и политики спасения. Это разделение является аналитическим. Новая нормальность выступает как «зонтичная» или рамочная категория, объединяющая все три понятия.

Использование выражения «новая нормальность» характеризует, на наш взгляд, легитимизацию нынешнего состояния «ненормальности» и отсутствие адекватной политики предотвращения подобной ситуации и выхода из нее. А следовательно, происходит признание в недостаточности имеющихся ресурсов для социального (пере)конструирования реальности до уровня возможности ее очередного нормального состояния и несостоятельности в плане подбора средств для этого. В концептуальном плане новая нормальность символизирует возможность появления нового методологического поворота к изучению отсутствия мобильности и локализации.

Эпидемия коронавируса не позволила обществам остаться прежними, привела к возникновению новой нормальности, обретающей множественное число из-за различия стран, народов, культур, традиций, эпидемических ситуаций, их интерпретаций и используемых политик.

Ключевые слова: коронавирус (COVID-19); эпидемический порядок; новая нормальность; множественная новая нормальность; социальное конструирование новой нормальности; мобильность; ограничения мобильности; политика спасения

ВВЕДЕНИЕ

Эпидемия коронавируса стала угрозой сложившемуся порядку в мировом масштабе. Новый вирус принес многочисленные жертвы, изменения образа жизни, социальные коллизии, разрушение того, что считалось в обществе нормой, равно как и новые повседневные практики, а также стимулировал необходимость поиска социальными науками адекватных теоретико-методологических средств и языка для описания кризисной ситуации и представлений о возможностях выхода из нее.

НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ

В связи с эпидемией коронавируса активно используется выражение «новая нормальность». Оно стало частью не только научного, но и повседневного дискурса. Вме-

сте с тем содержание, вкладываемое в эту категорию, далеко от единственно возможного способа его понимания. Несмотря на то что оно легко вошло в лексикон, оно в значительной степени лишено определенности и все же представляет собой популярную метафору. Смысл, который вкладывается в идею новой нормальности, варьируется различиями контекстов применения данной категории.

Новая нормальность точнее всего определяется в медицинской литературе, где есть четкие границы — референтные значения, которые задают границы нормы. Поэтому ряд работ, рассматривающих новую нормальность, связан с переопределением некоторых прежних нормативов. Но даже и в медицинских источниках допускаются разные трактовки новой нормальности. В большинстве случаев в медицинских исследованиях под новой нормальностью понимается какое-то изменение, носящее негативный характер. В подобном контексте новой нормальностью называют изменение жизни тех, кто оказался в ситуации, когда нужно ухаживать за родственниками, пережившими, например, инсульт или другие заболевания. Эта же категория используется в медицинской литературе при исследовании увеличения числа неалкогольных болезней печени в незападных странах в связи с переходом на менее полезную еду. «Новое нормальное», — отмечают в связи с этим многие авторы, — не является «нормальным» в этих случаях.

Постановка вопроса о новой нормальности производится в работах, посвященных кардиологии, меняющимся к худшему условиям функционирования эстетической хирургии и пр. И только в редких случаях речь идет о новых позитивных явлениях, например, если обсуждается вопрос о том, становится ли феномен «здорового старения» новой нормальностью в глобальном масштабе. Однако даже тогда речь идет о необходимости индивидуальных и государственных усилий для приспособления к беспрецедентным изменениям в здравоохранении, экономике, социальном обеспечении, поскольку в новом типе общества возрастная группа старше 65 лет будет иметь большую численность, чем дети до 5 лет.

Часто с позиции новой нормальности оцениваются новые практики, связанные с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. В этих случаях исследователи задаются вопросом, способствуют ли эти практики повышению негативных тенденций в поведении, как, например, его рисковости, или они просто характеризуют некоторую новую ситуацию и новые возможности. Существуют исследования современных климатических процессов — повышения температуры поверхности воды, таяния льдов и других факторов, которые изучаются в контексте ответа на вопрос о том, являются ли те или иные изменения аномалией или новой нормальностью.

Больше всего исследований, ставящих вопрос о новой нормальности, относится к области экономики. Само словосочетание «новая нормальность» стало активно использоваться в условиях экономического кризиса 2008 г. для характеристики новой экономической ситуации. Существует несколько интерпретаций того, что представляет собой новая нормальность. Наиболее распространенной является трактовка кризиса как ненормальности, которая впоследствии заменится ситуацией, которую можно охарактеризовать как нормальную. Например, в исследовании новой нормальности, проведенном консалтинговой компанией McKinsey, показано, что экономический кризис коренным образом отличается от предыдущих рецессий. По мнению автора, пришедшего к такому выводу, речь идет не о новом повороте экономического цикла, а о реструктурировании экономического порядка. Ряд компаний думают толь-

ко о том, чтобы хоть как-то выжить, другие — о том, как адаптироваться к ситуации, когда окончится кризис и ситуация станет нормальной. Главный вопрос состоит в том, чтобы понять, «как будет выглядеть нормальное». Никто не знает, когда кризис закончится, но то, с чем мы столкнемся на выходе из кризиса, не будет похоже на то нормальное для нас, что было в прежние годы. Однозначно можно определить только следующее: когда мы войдем в посткризисный период, экономический контекст не вернется к своему докризисному состоянию. Но в результате преодоления кризиса возникнет реальность, «одновременно как отличающаяся от прошлого, так и богатая возможностями для тех, кто готов к этому» (Davis, 2009).

Экономический кризис исходно воспринимался как имеющий определенную длительность, после завершения которой состоится переход к посткризисной нормальности. Однако по мере развертывания экономического кризиса и осознания его глубины возникает другая трактовка. Она может быть представлена как «кризисы или новая нормальность»? Таким вопросом задается автор одной из статей, посвященной современной экономической ситуации в Европе (Menéndez, 2018). В данном случае речь идет о том, что через 11 лет после начала кризиса он не преодолен, и самому кризису может быть присвоен статус новой нормальности. В контексте подобного подхода низкий экономический рост, низкие заработные платы и другие социально-экономические изменения представляются новой нормой.

Эпидемия коронавируса послужила толчком для обсуждения ситуации с позиции новой нормальности. При этом кризисная ситуация в некоторых странах исходно стала обозначаться как новая нормальность, указывая при этом на возможность повторения подобных событий в будущем. Но все же в большинстве случаев ее используют, во-первых, как эвфемизм политики властей, при которой снимаются основные ограничения ситуации повышенной готовности, но когда все еще сохраняются меры социального дистанцирования, ношения масок в общественных местах и некоторые другие гигиенические требования. Или, во-вторых, как эвфемизм не политики, а самой ситуации, вызванной подобной политикой, при которой снимаются ограничения мобильности.

Новая нормальность, таким образом, представляет собой континуум: ею называют как ранний этап эпидемического кризиса, так и более глубокую его фазу, выход на плато по числу заражений, разные этапы снятия ограничений и даже посткризисную ситуацию. В этих рамках складывается особый образ жизни, обусловленный как минимум травмой от существующих ограничений, отказа от прежних планов и уменьшения горизонта планирования. Во время кризиса можно говорить о формировании нового типа социального порядка, который в данном случае можно назвать эпидемическим. Он подразумевает ограничение привычных и поэтому нормальных социальных взаимодействий, изменение ожиданий от настоящего и будущего, а также иную оценку прошлого. Он также свидетельствует о недостижимости прежнего состояния в ближайшем будущем.

Предпринятые многими странами меры по стабилизации эпидемической ситуации включали далеко не идеальные для людей решения. Например, Италия, Испания, Китай, Россия в большей или меньшей степени вводили ограничения мобильности как препятствие дальнейшему распространению вируса. В этом плане политика властей может быть охарактеризована как политика снижения вреда. Политика снижения вреда подразумевает, что предлагаемое решение не идеально и даже не является хорошим. Однако оно лучше, чем отсутствие какого-либо действия или иных мер. По-

этому к подобной политике прибегают в условиях отсутствия других устраивающих решений. В этом отношении карантин и самоизоляция являются плохими решениями, не идеальными, нарушающими права человека, его личные свободы — свободу передвигаться, встречаться и др. Но они позиционируются и воспринимаются как лучшие по сравнению с возможностью заразиться и не получить вовремя медицинскую помощь. Новая нормальность не высказывает претензий на идеальные и даже хорошие решения.

К объяснению ситуации с позиции новой нормальности как в ситуации с эпидемией коронавируса, так и в других контекстах прибегают чаще всего тогда, когда отмечаются изменения к худшему, которые нельзя в силу каких-либо причин предотвратить. В целом можно сказать, что идея новой нормальности преувеличивает возможности влияния внешних сил и преуменьшает наши способности к ответу на вызовы. Риторика новой нормальности подразумевает только один ответ — адаптироваться к худшим, чем ранее, условиям, вне зависимости от того, полагаем ли мы эти изменения нежелательными. Использование выражения «новая нормальность» поэтому характеризует, на наш взгляд, *легитимизацию нынешнего состояния «ненормальности» и отсутствие адекватной политики предотвращения подобной ситуации и выхода из нее*. А следовательно, *происходит признание в недостаточности имеющихся ресурсов для социального (пере)конструирования реальности до уровня возможности ее очередного нормального состояния и несостоятельности в плане подбора средств для этого*.

Обращение властных институтов и средств массовой информации к языку новой нормальности осуществляет *символическое принуждение к восприятию новой реальности именно как новой нормальности*. Однако сама возможность наступления новой ненормальности не является основанием для того, чтобы признать ее новой нормальностью. Замена идеи новой реальности новой нормальностью приводит к переносу фокуса внимания на индивидуальную адаптацию и требует меньшего от лиц, принимающих решения. *Опривычивание новой нормальности (а в действительности — ненормальности) опасно тем, что оно приводит к дальнейшей слепоте и неразличению нормальности и ненормальности в складывающейся ситуации, что может привести к дальнейшей эскалации последней*.

Используя методологию П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман, 1995), отметим, что типизация и хабиутализация в отношении новой нормальности может перерасти в ее институционализацию. Дискурс новой нормальности свидетельствует, таким образом, о концептуальном повороте в плане социального конструирования реальности и трактовки ответственности за ту или иную политику.

Новая нормальность все время мутирует, ибо количество заболевших не только в разных регионах России, но и в других странах варьируется в достаточно широких пределах и имеет подчас непредсказуемую динамику и разные основания, связанные с социальным порядком. Нет универсальной формулы новой нормальности (как нет таковой и для прежней нормальности). *Траектории новой нормальности функционируют в зависимости от социокультурных условий*. Нормальность, в том числе и новая нормальность, — это специфическая культурная способность к воспроизведению традиций и обычаев, а также к их изменению и функционированию в новых условиях. В разных культурах она отличается своим содержанием, имеет разные свойства. Она дифференцирована в различных обществах и стратифицирована индивидуальными или коллективными интересами групп. По сути, новой нормальности нет, а есть новые

нормальности, *множественность новых нормальностей*, некоторые формы которых толерантны друг другу.

Коннотации, связанные с идеей новой нормальности, сегодня пессимистичны. И это — новая реальность, определяемая, на наш взгляд, не в последнюю очередь отказом от ранее доминировавшей идеи прогресса. Перспектива прогресса полагала нормальность приходящей на смену ненормальности, а позитивность научно-технических и социально-политических возможностей и будущих достижений, способных справиться с какой-либо ненормальностью, практически не ставилась под сомнение. Социальные изменения в контексте идеи прогресса представлялись как однозначно ведущие к лучшему будущему. В условиях инфекционных эпидемий возвращение к идее прогресса в плане нашей способности конструирования подходящего нам нормального настоящего и будущего представляется в определенной степени возможной.

Сложность современных вызовов и ответов на них обусловлена действием большего числа сил и факторов, определяющих настоящее и будущее, чем на более ранних этапах современности. Сегодня необходимо принимать во внимание не только национально-государственную перспективу, но и влияние глобальных и региональных сил, а также их констелляции. Неолиберальный режим в этом плане в целом более бессилен перед лицом многофакторных вызовов, поскольку он потребовал уменьшения роли государства в экономике и жизни общества, и ресурсы, находящиеся в распоряжении государства, зачастую сегодня весьма скромны. Отражением этого практически во всех странах стали проблемы с обеспеченностью средствами защиты, медицинскими препаратами и оборудованием, необходимым для поддержания жизни заболевших людей.

При обсуждении эпидемии и новой нормальности наиболее часто обращаются к взглядам французского социолога М. Фуко. Рассмотрение реакции властей на эпидемии проводится в контексте его идей о биополитике (Фуко, 2010). О кризисной ситуации и последствиях эпидемии высказывались знаменитые социальные теоретики Дж. Батлер, Б. Латур, С. Жижек и др. Их позиции уже представлены в разных источниках, в том числе на русском языке. Нас заинтересовала дискуссия, подготовленная в первую очередь итальянскими философами, и выпущенная марте 2020 г. в разгар эпидемии в Италии (Foucault, Agamben, Nancy, Esposito [et al], 2020: Электронный ресурс). Эта страна оказалась одной из наиболее затронутых коронавирусом и высокой смертностью от него, а также прошла путь от игнорирования вируса до введения жестких ограничительных мер. Исключительно часто сегодня цитируют современного итальянского исследователя Дж. Агамбена, который, среди прочего, полагает, что реакция властей на коронавирус чрезмерна, а паника раздута. По его мнению, власти получают исключительные полномочия в рамках режима чрезвычайной ситуации и накладывают экстраординарные ограничения на наши свободы. В результате мы «жертвуем свободой во имя “соображений безопасности”, в результате чего обрекли себя на жизнь в постоянном состоянии страха и небезопасности» (там же). Философ С. Бенвенуто призывает «забыть об Агамбене» в плане восприятия эпидемии как «фейка». Выражение любви к ближнему сегодня должно заключаться в дистанцировании, чтобы не заразить друг друга вирусом, имеющим неизвестные свойства (там же). Политик и исследователь М. де Каролис разделяет позиции Фуко о взаимосвязи биологического и политического и высказывает обеспокоенность тем, что сегодня впервые в истории можно уничтожить человеческую спонтанность и социальность, не

заплатив за это большую цену (там же). В противоположность Фуко и Агамбену философ Р. Эспозито отмечает, что то, что происходит в Италии, характеризует не рост тоталитаризма, а неспособность властных структур справиться с происходящим из-за «гротескного напластования национальных и региональных прерогатив» (там же). Согласно философу Р. Ронки, положительная сторона эпидемии состоит в том, чтобы политика стала ответственной, взяла назад те полномочия, которые необдуманно отдала ранее другим сферам, превратившись в технического игрока; «политика должна иметь приоритет над экономикой» (там же). Исследователи представляют широкую палитру взглядов, характеризующих разные стороны новой нормальности и приущей ей политики.

МОБИЛЬНОСТЬ

Современность (modernity) в целом запустила процессы мобильности, начавшиеся в Европе и распространившиеся на другие части мира, осуществляя территориальную экспансию. Глобализация конца XX — начала XXI в. довела их до наибольшего воплощения. Мобильность людей, финансов, товаров, информационных потоков, идей, ценностей стала признаком глобализационных процессов. Происходила глобализация образования, медицины, деловых и коммерческих интересов, стремления к путешествиям, потреблению и пр. Многие социальные теоретики увидели в увеличении мобильности значимую, если не определяющую, характеристику обществ сегодня.

Известный английский социолог Дж. Урри провозгласил в связи с этим необходимость «поворота мобильности», под которым понимал парадигмальный сдвиг в социальных науках в сторону усиления внимания к изучению процессов, связанных с мобильностью. По его мнению, она является одним из главных свойств современной цивилизации: «Вопросы движения — для одних его слишком мало, а для кого-то слишком много, для третьих оно неправильно или происходит не в то время — кажутся ключевыми для жизни большого числа людей» (Урри, 2012: 71).

Английский социолог З. Бауман показал, что происходит формирование новой системы стратификации, которая совпадает с глобальной иерархией мобильности. Он полагает: «...новая поляризация социального положения... определяется мобильностью или ее отсутствием. “Вершина” новой пирамиды экстерриториальна; более низкие ее ступени в разной степени подвергаются пространственным ограничениям, а основание на практике является полностью *glebae adscripti* (прикрепленным к земле. — В. Ф.)» (Бауман, 2004: 149). «Степень мобильности», т. е. «свободу выбора местонахождения», определяет социальный статус. Мобильны и свободны глобальные элиты, которые пользуются всеми преимуществами современного мира, локализованы и не подвижны новые обездоленные, полагает З. Бауман.

Мобильность как в локальных пределах, так и ее возможность в масштабе национального государства, и особенно мобильность за пределы страны проживания стали восприниматься как нормальность и разделяемая большинством людей ценность. Ее интенсивность возрастала. Мобильность предстала одной из новых черт эпохи, одной из наиболее новых и заметных форм индивидуального капитала. В связи с этим потребности людей в мобильности заметно выросли. Невозможность съездить в отпуск за границу хотя бы один раз в году стала восприниматься многими людьми не только как признак бедности, но и как социальная исключенность из «нормальной» практики.

Однако трансграничная мобильность коронавируса прервала человеческую мобильность, отложив ее на неопределенный срок. Мобильность утратила свою нормальность. Депривация мобильности стала неотъемлемой чертой эпидемического порядка. В связи с этим возникла новая временная социальная стратификация, вновь определяемая возможностями в плане мобильности. Наличие пропуска выделило ряд профессиональных групп в привилегированные в этом отношении: госслужащие, журналисты, военные, полиция, медики, таксисты, курьеры и др. На сайтах знакомств в условиях эпидемии специально отмечали наличие пропуска и соответственно возможность приехать, что воспринималось как преимущество по сравнению с самоизолированными индивидами. Некоторые люди стремились стать волонтерами не в последнюю очередь для того, чтобы иметь возможность легально перемещаться. Лица старше 65 лет попали в категорию наиболее немобильных. Это стало, с одной стороны, выражением заботы об этой возрастной группе со стороны институтов общества, призванных решать кризисные ситуации. Однако, с другой стороны, такой подход уменьшил и так достаточно ограниченные возможности пенсионеров в отношении социального и культурного взаимодействия и даже в какой-то мере стигматизировал их.

В концептуальном плане паника в отношении распространения вируса, имевшая результатом меры по сдерживанию мобильности, символизирует возможность появления нового методологического поворота к изучению отсутствия мобильности, запертости в локальности и поиска мобильности, которую мы потеряли. Принуждение к отсутствию мобильности или ее значительному ограничению стало заметным ударом, прервав туристические, деловые, образовательные и иные потоки людей, а также повседневные взаимодействия. Характеристики мобильности и вводимых ограничений различались в разных странах, хотя везде власти призывали проявлять сознательность и самосохранительное поведение. Разные варианты ограничения мобильности, предпринятые в странах, зараженных коронавирусом, — от полных (карантин) до мягких (меры социального дистанцирования) могут быть представлены как результат политик, создающих континуум практик (не)мобильности.

«Мобильная жизнь для миллионов может оказаться недолговечным явлением... мобильные жизни могут обернуться всего лишь достопримечательной интерлюдией в истории человечества», — осторожно предупредил в своей работе Дж. Урри (Урри, 2012: 62). Подобное опасение относительно будущего мобильности актуально для эпидемических кризисов, происходящих сегодня и потенциально возможных их повторений в будущем.

ПОЛИТИКА СПАСЕНИЯ

Во всех странах мира для разрешения ситуации с коронавирусом в неявной форме применялась идеология и политика снижения вреда, суть которой мы показали выше, обсуждая новую нормальность. Различие подходов снижения вреда состоит лишь в разной интерпретации того, что представляет собой наибольший вред. Чаще всего к таковому относят всего два типа вреда: угрозы жизни людей или экономике. В зависимости от эпидемиологической ситуации, степени либеральности режима и от того, какой вред предполагался наибольшим, политическими лидерами выбиралась та или иная политика.

В статье колумниста *New York Times* и редактора *The Russian File* М. Трудолюбова описано то, как врачи и политики во время кризиса руководствуются утилитарист-

ским принципом «как на войне», принимая сложные решения о том, кого спасти в первую очередь. Приоритет в итоге все равно давался больным с наибольшими шансами на выживание, поскольку в ситуации «как на войне» применялся утилитаристский, а не этический подход к оказанию помощи. М. Трудолюбков ставит вопрос: «Ситуации, когда нуждающихся в спасении больше, чем средств спасения, — это ситуации катастроф и войн. Для катастроф и войн у медиков есть принципы “медицинской сортировки”... помогающие решать, в какой очередности спасать людей. Распространение вирусной болезни, от которой нет лечения, может, как мы убедились, временами ставить докторов (и далее политиков) перед невозможным выбором: кого спасти первым, а кого — вторым... Должны ли люди во время такого кризиса действовать “как на войне” или нужна другая, мирная этика?» (Трудолюбков, 2020: Электронный ресурс). Ответ на этот вопрос он находит в позициях ряда философов, занимающихся этическими проблемами.

Британский историк экономики Р. Скидельский охарактеризовал подобную кризисную ситуацию «проблемой Ноева ковчега». Причина ее появления проявляется в «дефиците спасения» в здравоохранении, при котором не хватает медицинских средств для всех заболевших одновременно. Дефицит спасения оказался болезненным открытием в первую очередь для экономически благополучных стран. М. Шор, американский историк философии, отозвалась о нем так: «Мы погрузились в сюрреалистическую антиутопию... Больницы вынуждены закупать средства защиты для медработников на черном рынке» (там же). «Зависимость от поставок из-за рубежа, расчет на способность экономики быстро произвести необходимые медицинские принадлежности по требованию себя не оправдали» (там же), — отметил Р. Скидельский. Отметим еще раз в связи с этим, что дефицит спасения как раз и является результатом неолиберальной политики государств в области здравоохранения, связанной с сокращением его финансирования и последующей оптимизацией расходов, не предполагающих создания значимых страховочных механизмов от инфекций или других кризисных ситуаций.

По мнению американского философа С. Рейчелз, суть этического ответа на проблему дефицита спасения состоит в следующем: «Решение убедить людей оставаться дома, чтобы не заражаться и не заражать других, можно назвать утилитаристским, поскольку оно направлено на преумножение общего блага (счастья) и минимизацию страдания» (там же). Такой подход назван утилитаристски-этическим. Как показывает М. Трудолюбков, критикуя дилемму выбора между теми, кому жить, а кому умирать, «именно для того, чтобы избавить докторов и политиков от принятия невозможных решений о том, кому и на каких основаниях распределять или продавать билеты на ковчег, власти просят людей оставаться дома. Вместо того чтобы выбирать, кого спасти сейчас — пациента А или пациента Б, власти предлагают разнести их во времени и спасти пациента А сейчас, а пациента Б потом, когда и если он заразится» (там же).

Многие страны пошли по пути применения подобного подхода, ограничив права и свободы людей ради того, чтобы при лечении заболевших хватило ресурсов системе здравоохранения. Такая этика и основанная на ней политика и привели к требованиям самоизоляции и карантина, которые, конечно, противоречат нормальной повседневной жизни и нарушают права и свободы людей. Другие страны пытались в первую очередь сохранить экономические взаимодействия, ряд стран пытался комбинировать обе эти политики. Парадоксом современного государства стало то, что оно проявля-

ет готовность урезать свободы в связи с эпидемической ситуацией, но не может обеспечить адекватное количество медицинских средств для лечения инфекций.

На наш взгляд, ситуация не позволяла перейти к мирной этике, ибо количество средств подготовки к войне несоизмеримо превышает накопление средств защиты и поддержки здоровья людей. Именно это может быть поставлено в вину политикам, которые в условиях пандемии не переориентировали в должной мере оценку угроз человечеству.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь в условиях коронавируса значительно изменила свой привычный ход. Такие факторы, как обычность, нормальность, стабильность, мобильность, защищенность от эпидемий, наличие перспектив роста и планы на будущее, сегодня если и не ушли в прошлое, то подверглись кардинальным изменениям. Эпидемическая обстановка сломала сложившийся порядок, изменила то, что было ранее нормальным, существенно травмировала и шокировала общество. *Эпидемия коронавируса не позволила обществам остаться прежними, привела к возникновению новой нормальности, обретающей множественное число из-за различия стран, народов, культур, традиций, эпидемических ситуаций, их интерпретаций и используемых политик. Полагание новых ситуаций новыми нормальностями приводит к усилению их устойчивости, их легитимизации и закреплению в повседневных практиках и сознании людей, равно как и в деятельности социальных институтов, являясь, на наш взгляд, неадекватной стратегией социального конструирования реальности. Обществу нужна не новая нормальность, а та, которая его устраивает.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман, З. (2004) Глобализация. Последствия для человека и общества. М. : Весь Мир. 188 с.
- Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум. 323 с.
- Трудолюбов, М. Кого спасти первым, кого вторым? [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2020/06/05/kogo-spasat-pervym-a-kogo-vtorym> (дата обращения: 05.06.2020).
- Урри, Дж. (2012) Мобильности. М. : Праксис. 576 с.
- Фуко, М. (2010) Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб. : Наука. 448 с.
- Davis, I. (2009) The New Normal [Электронный ресурс] // McKinsey Quarterly. March 1. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-new-normal> (дата обращения: 18.05.2020).
- Foucault, M., Agamben, G., Nancy, J. L., Esposito, R. [et al] (2020) Coronavirus and philosophers [Электронный ресурс] // European Journal of Psychoanalysis. March. URL: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/> (дата обращения: 15.05.2020)
- Menéndez, A. J. (2018) Not seven, but eleven? European crises or “new normal”? [Электронный ресурс] // European Law Journal. Vol. 24, Issue 1. January. P. 2–6. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/eulj.12274> (дата обращения: 11.05.2020).

Дата поступления: 14.06.2020 г.

LIVING IN THE CONTEXT OF COVID-19

V. G. FEDOTOVA

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

The article discusses changes in societies that have occurred as a result of the covid-19 epidemic in 2020. The notions of the new normal, mobility and rescue policy are employed as the conceptual

means of studying the situation. The division is analytical. The new normality acts as an “umbrella” or framework category that unites all the three notions.

The use of the expression “new normal” characterizes, in our opinion, the legitimization of the current state of “abnormality” and the absence of an adequate policy of preventing such a situation and getting out of it. And, consequently, it serves both as a recognition of the insufficient resources available for the social (re)construction of reality to achieve the level of its normal state and a failure in terms of the selection of means to approach it. Conceptually, the new normal symbolizes a possibility of a new methodological turn towards the study into the absence of mobility and localization.

The covid-19 epidemic has prevented societies remaining the same and led to the emergence of the new normal, i.e. plurality of trajectories of the new normal. This results from the differences between countries, peoples, cultures, traditions, epidemic situations, their interpretations and policies used.

Keywords: coronavirus (COVID-19); epidemic order; new normal; multiple new normalities; social construction of the new normal; mobility; mobility restrictions; rescue policy

REFERENCES

- Bauman, Z. (2004) *Globalization: The Human Consequences*. Moscow, Ves' Mir. 188 p. (In Russ.).
- Berger, P. and Luckmann, T. (1995) *The Social Construction of Reality*. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.).
- Trudoljubov, M. (2020) *Kogo spasat' pervym, kogo vtorym?* [online] Available at: <https://me-duza.io/feature/2020/06/05/kogo-spasat-pervym-a-kogo-vtorym> (accessed: 05.06.2020). (In Russ.).
- Urri, J. (2012) *Mobilities*. Moscow, Praxis. 576 p. (In Russ.).
- Foucault, M. (2010) *Naissance de la Biopolitique : Cours au Collège de France (1978–1979)*. Saint-Petersburg, Nauka. 448 p. (In Russ.).
- Davis, I. (2009) The New Normal. *McKinsey Quarterly*. March 1 [online] Available at: <https://www.mckinsey.com/business-functions/strategy-and-corporate-finance/our-insights/the-new-normal> (accessed: 18.05.2020).
- Foucault, M., Agamben, G., Nancy, J. L., Esposito, R. [et al] (2020) Coronavirus and philosophers. *European Journal of Psychoanalysis*, March [online] Available at: <https://www.journal-psychoanalysis.eu/coronavirus-and-philosophers/> (accessed: 15.05.2020).
- Menéndez, A. J. (2018) Not seven, but eleven? European crises or “new normal”? *European Law Journal*, vol. 24, issue 1, January, pp. 2–6. [online] Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/eulj.12274> (accessed: 11.05.2020).

Submission date: 14.06.2020.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного семинара «Социальная философия и развитие гражданского общества в России» Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: val_fedotova@mail.ru

Fedotova Valentina Gavrillovna, Doctor of Philosophy, Professor, Principal Research Fellow, Sector of Social Philosophy, Head of Research Seminar “Social Philosophy and the Development of Civil Society in Russia”, RAS Institute of Philosophy. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: val_fedotova@mail.ru